

АКТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОСОБЫЙ МЕХАНИЗМ СНИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА***Эка Ревазиевна ЕРМАКОВА**

кандидат экономических наук, доцент кафедры теоретической экономики и экономической безопасности,
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
Саранск, Российская Федерация
eka-tsulaya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8464-9605>
SPIN-код: 3260-8190

История статьи:

Получена 25.07.2019
Получена в доработанном
виде 08.08.2019
Одобрена 22.08.2019
Доступна онлайн
30.09.2019

УДК 316.334.3

JEL: H53, I38

Ключевые слова:

социально-экономическое
неравенство, социальная
политика государства

Аннотация**Предмет.** Социальная политика государства.

Цели. Обоснование необходимости проведения активной социальной политики, использования широкого спектра ее инструментов, позволяющего последовательно и системно снизить уровень социально-экономического неравенства в российском обществе до нормального.

Методология. Использована совокупность общенаучных и специальных методов: научная абстракция, единство логического и исторического, анализ и синтез, дедукция и индукция, сравнение, обобщение и др.

Результаты. Доказана недостаточность мероприятий, реализуемых в России в рамках социальной политики, для решения проблемы избыточного социально-экономического неравенства. Показаны негативные тренды в финансировании социальных нужд общества. Обоснована необходимость активизации большего числа инструментов социальной политики. Предложен перечень мероприятий по активизации социальной политики как механизма снижения социально-экономического неравенства.

Область применения. Результаты исследования могут быть использованы при формировании направлений социально-экономической политики.

Выводы. Для активизации социальной политики предложено: индексация всех видов социальных выплат, их увеличение относительно минимального размера оплаты труда; приведение фактического прожиточного минимума к реальному; увеличение соотношения минимального размера оплаты труда и прожиточного минимума с учетом иждивенческой нагрузки; реализация принципа инклюзивности в отношении качественных медицинских и образовательных услуг; реализация комплекса мероприятий на рынке труда.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2019

Для цитирования: Ермакова Э.Р. Активная социальная политика как особый механизм снижения социально-экономического неравенства // *Финансы и кредит*. — 2019. — Т. 25, № 9. — С. 2096 — 2108.
<https://doi.org/10.24891/fc.25.9.2096>

Одной из самых обсуждаемых и остро стоящих проблем отечественной экономической действительности на сегодняшний день является падение реальных доходов населения и вопиющий уровень социально-экономического неравенства

российского общества. Согласно World inequality lab в России на долю 10% самого богатого населения приходится 46,9% национального дохода (для сравнения, в Европе на верхний дециль приходится 37% национального дохода, а на Ближнем Востоке — 61%). В период с 1989 по 2016 г. среднедушевые доходы населения росли на 1,3% ежегодно; при этом доходы нижних 50% населения в реальном выражении сокращались с каждым годом на 0,8%,

* Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Грант РФФИ № 18-010-00756 А «Развитие теории и методологии исследования феномена социально-экономического неравенства в контексте неоиндустриальной парадигмы».

среднего класса — росли на 0,5%, а элита ежегодно увеличивала свои доходы на 3,8%.

Эксперты опасаются социального взрыва, так как ситуация близка к той, что сложилась в преддверии революции 1917 г., когда на долю 1% богатейшего населения приходилось 18% национального дохода (20,2% национального дохода России приходилось на 1% в 2016 г., их среднегодовой доход оценивается в 469 тыс. евро, в то время как среднегодовой доход нижних 50% населения составляет 7 880 евро)¹ [1].

Резкое ухудшение ситуации с социально-экономическим неравенством произошло после 1991 г. — трансформация экономической системы привела к тому, что на 10% населения сегодня приходится почти половина национального дохода (против 22% в 1991 г.) [2].

С одной стороны, расслоение общества по доходам свойственно переходной экономике, а нормальное неравенство — естественно для рынка, но парадоксальность ситуации в том, что чем больше пронизанность отечественной экономики рыночными структурами, тем сильнее становится избыточное неравенство, грозящее социальными конфликтами, политической нестабильностью и страновыми рисками [3].

При таких тенденциях становится очевидной необходимость проведения государством активной экономической политики, направленной на решение проблемы избыточного неравенства в России. Две ее ключевых составляющих мы видим в изменении подхода к налогообложению доходов, имущества, богатства физических лиц и в активизации инструментов социальной политики, обусловленной высоким уровнем бедности (13% российского населения имеет доход ниже прожиточного минимума, из них 5% — это работающие бедные).

Данную статью мы посвятим вопросам активизации социальной политики, так как в

числе ее механизмов есть инструменты прямого воздействия, результаты от которых проявляются быстрее, нежели от применения инструментов налоговой политики. Положение людей, оказавшихся в доле населения с самыми низкими доходами, не имеющими доступа к основным социальным благам, требует быстрого реагирования и прямых финансовых вливаний.

На 2018 г. в России проживало 18,9 млн чел. (12,9% населения) с доходами ниже прожиточного минимума, 5% всего населения — работающие бедные. Основную часть малоимущего населения составляют неработающие пенсионеры и безработные (29% и 22% малоимущих соответственно). За чертой крайней бедности (менее 1,5 долл. США в день) проживает 0,1% населения.

Для того чтобы всесторонне оценить достаточность и всеохватность применяемых мер социальной политики в стране, считаем необходимым проанализировать структуру расходов консолидированного бюджета России, динамику государственных расходов на социальные нужды, их соотношение с ВВП, объемы и структуру социальных выплат, пособий, социальной помощи.

На *рис. 1* представлена динамика расходов консолидированного бюджета РФ и расходов социальной направленности (социальная политика, здравоохранение, образование, физическая культура и спорт) за 2006—2018 гг.

График демонстрирует устойчивую тенденцию роста расходов консолидированного бюджета. За последние пять лет расходы на социальную политику увеличились даже больше, чем расходы в целом: 30% и 20% прироста соответственно.

В целом структура расходов консолидированного бюджета России представлена на *рис. 2*.

Мы посчитали объективным представить ее за предкризисный 2006 г., 2015 г. (как первый год после введения в отношении России ограничительных санкций со стороны западного мира) и за прошедший 2018 г.

¹ Alvarado F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zukman G. World Inequality Report 2018. Belknap Press, 2018, 344 p.

Из представленной гистограммы можно сделать вывод об увеличении доли расходов на социальную политику с 28,2% в 2006 г. до 36,2% в 2018 г. (что вполне логично на фоне сокращения реальных доходов населения и инфляционной составляющей в 2014—2015 гг.).

Вместе с этим расходы на образование сократились на 1,7 п.п. и составили в 2018 г. 10,7% от общей величины бюджетных расходов. Доля расходов на здравоохранение также сократилась более, чем на 1%; финансирование антикризисных мероприятий в 2018 г. происходило за счет урезания бюджета здравоохранения. С наступлением Великой рецессии Россия исчерпала Резервный фонд полностью, а инвестиции в новые субъекты Федерации (Республика Крым и город федерального значения Севастополь), военные операции в Сирии отвлекли имеющиеся финансовые ресурсы от социальной сферы [4].

Для дальнейшего прояснения ситуации необходимо провести сопоставление расходов консолидированного бюджета РФ на социальные направления с величиной ВВП — в данном случае ситуация вызывает опасения (табл. 1).

Доля расходов на реализацию социальной политики в ВВП постепенно увеличивалась с 10,8% в 2011 г. до 13,05% в 2017 г., но в 2018 г. снизилась на 1,11 п.п., составив 12,79% ВВП. Доля расходов на здравоохранение существенно не изменяется и находится на уровне 3,2% ВВП. Инвестировать в сферу образования государство также не стало больше, расходы составляют 3,53% (что даже немного меньше всех предыдущих лет). Для сравнения, доля расходов на образование в странах Северной и Центральной Европы составляет 6—8% ВВП, США расходуют на эти цели 5,5% ВВП [5]. На здравоохранение страны ОЭСР-35 тратят около 9% ВВП, а США — до 20%; даже на Кубе — не самой богатой стране, но опережающей нас по ожидаемой продолжительности жизни — государство тратит на здравоохранение в три раза больше, чем Россия. По доле расходов на образование и здравоохранение Россия не

только отстает от развитых стран, но даже и не соответствует критериям обеспечения экономической безопасности (порог — не менее 5% ВВП).

Во всех развитых странах государственные расходы на здравоохранение и образование покрывают значительную часть стоимости образовательных и медицинских услуг, реализуя принцип инклюзивности, который предполагает возможность доступа к этим услугам всех членов общества вне зависимости от имеющегося дохода. В российском обществе этот принцип не реализуется, и качественное образование и медицина (так же как и продовольствие) доступны лишь обеспеченным слоям населения. Особенно сильно в России обострилась ситуация с доступностью образовательных и медицинских услуг населению после перехода на подушевое финансирование в этих сферах и эффективного для бюджета процесса монетизации льгот граждан.

Самая значительная часть всех замещающих расходов и трансфертов в развитых странах мира приходится на пенсии (от 2/3 до 3/4). Страны Европы финансируют пенсионные выплаты по возрасту в размере до 15% национального дохода (лидерами являются Италия, Франция, Германия и Швеция), в США и Великобритании на пенсионные выплаты направляется 6—7% национального дохода² [6]. Совокупные пенсионные выплаты в России, охватывающие не только пенсионеров по возрасту, но и всех получателей средств из Пенсионного фонда РФ составляют 10% ВВП.

В странах с высоким уровнем благосостояния государственная пенсионная система представляет собой основной источник дохода для более чем 75% пенсионеров. До 2% национального дохода в развитых странах (США, Франция, Швеция) идет на выплату пособий по безработице (в России — менее 0,1%).

² Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Динамика доходов населения.
URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20967.pdf>

Если говорить о реализации социальной политики и соответствия принципам социального государства (которым наша страна является согласно ст. 7 Конституции РФ), необходимо обратить внимание на достаточность финансовой базы мероприятий, имеющих социальную направленность. В странах Западной Европы (с минимальным уровнем социально-экономического неравенства, где разрыв между 10% самых богатых и 10% самых бедных не превосходит 4–6 раз) уровень налоговых отчислений стабилизировался на отметке 45–50% ВВП; уровень в 35–40% считается приемлемым [7]. Доля фискальных поступлений в консолидированный бюджет России представлена на *рис. 3*.

Не может не вызывать озабоченности снижение доли расходов на социальные нужды в величине ВВП: как показывает график, до обострения кризисных ситуаций налоговые поступления в бюджет России были близки к 35%, однако в 2015 г. произошло резкое снижение фискального дохода по отношению к ВВП почти на 10% и цифра зафиксировалась на отметке 25% ВВП. Эта ситуация не может не вызывать беспокойства, поскольку опыт стран мира показывает, что такого уровня налоговых поступлений недостаточно для реализации социальной политики, способной нивелировать высокое неравенство в обществе [8].

Удельный вес социальных выплат в объеме денежных доходов населения занимает сегодня порядка 20% и постепенно нарастает: 18,3% в 2011 г., 18% в 2014 г., 19,1% в 2018 г. и 19,8% в 2018 г., что свидетельствует о недостаточности трудового дохода населения.

Продолжающееся снижение реальных располагаемых доходов населения стало самым затычным в новейшей истории России. В 2018 г. этот показатель продемонстрировал сокращение пятый год подряд. В целом за пять лет реальное падение доходов составило 10,8% от уровня 2013 г.³

³ Тальская М. Что нужно знать о нацпроектах?

URL: <http://freconomy.ru/analitika/chto-nuzhno-znat-o-natsproektah.html>

С ВВП социальные выплаты соотносятся следующим образом: 11,6% в 2011 г., 12,3% в 2014 г., 14,5% в 2015 г., 12% в 2016 г. Из них порядка 70% — это пенсионные выплаты, 25% — пособия, остальное — стипендии.

На *рис. 4* представлена динамика установленных величин основных социальных пособий в сопоставлении с минимальным размером оплаты труда (МРОТ) в текущих ценах.

Из *рис. 4* становится ясным, что далеко не все социальные пособия растут теми же темпами, что и МРОТ: на протяжении девяти лет неизменной остается величина родового сертификата; если в 2011 г. он составлял 2,5 величины МРОТ, то в 2019 г. он уже менее единицы и не может служить существенным подспорьем семье при рождении ребенка.

Все пособия подвергались одинаковой индексации, позволяющей исключить их инфляционное уменьшение. Реального роста социальных пособий не происходило, величина пособий по отношению к МРОТ продолжала падать. К примеру, единовременное пособие при рождении ребенка в 2019 г. на 50% превышает величину МРОТ (в то время как в 2011 г. превышение составляло 170%). Ежемесячное пособие по уходу за первым ребенком в 2011 г. покрывало 50% к МРОТ, в 2019 г. оно составляет всего 30% МРОТ. Ежемесячное пособие по уходу за вторым и последующими детьми в 2011 г. совпадало с МРОТ, а в 2019 г. составило чуть более половины его величины. При том что численность получателей пособий сократилась за исследуемый период на 42% (с 6 440 тыс. чел. в 2011 г. до 3 720 тыс. чел. на конец 2018 г.), все сказанное может свидетельствовать о сужении роли государства в социальном обеспечении граждан.

Государственный сертификат на материнский капитал стал действенным инструментом реализации демографической политики, однако не решил проблему затруднительного финансового положения большей части российских семей: с базовой величины в 250 тыс. руб. в 2007 г. его сумма возросла до 453 026 руб. в 2015 г. и с тех пор не

изменялась (не будет подвергаться индексации его размер и в 2019—2020 гг.). На фоне инфляционных процессов и повышения стоимости жизни его роль начинает снижаться.

Большие надежды на сегодняшний день руководство страны возлагает на реализуемые национальные проекты, которые имеют широкую социальную направленность и высокую значимость для современного общества. В числе целей отдельных проектов значатся: увеличение ожидаемой продолжительности жизни, увеличение суммарного коэффициента рождаемости (демография); обеспечение доступным жильем семей со средним достатком (жилье); снижение смертности населения, снижение младенческой смертности; охват всех граждан профосмотрами не реже одного раза в год (медицина); снижение уровня загрязнения воздуха и водоемов (экология) и многое другое. Совокупный объем финансирования этих программ до 31 декабря 2014 г. — крупнейший в России и составляет 25,7 трлн руб.: 10,1 трлн руб. планируется направить на развитие экономики, 9,9 трлн руб. — в инфраструктуру, а 5,7 трлн руб. — в человеческий капитал.

Безусловно, эти инвестиции должны принести стране мультипликационный эффект, однако их первоначальная стадия уже затруднена действующим бюджетным правилом. Помимо этого эксперты напоминают, что в России уже было реализовано четыре крупных национальных проекта, задачи которых в совокупности были исполнены не более, чем на 70%.

Тем не менее указанные национальные проекты не связаны напрямую с реализацией социальной политики (в узком ее понимании, когда речь идет непосредственно о поддержке низкообеспеченных и социально неблагополучных слоев населения), нацеленной на сглаживание избыточного социально-экономического неравенства (в данном случае не за счет изъятия большей части дохода у богатых, а за счет повышения доходов бедных, гарантирования им доступа к качественным социальным благам).

По нашему мнению, на сегодняшний день чрезвычайно важны именно меры социальной поддержки, направленные на сокращение доли малоимущего населения, живущего за чертой бедности. В их числе могут быть:

- индексация всех видов пособий и социальных выплат, предусмотренных законодательством;
- пересмотр методики расчета прожиточного минимума (ПМ) и доведение величины МРОТ до 2,5—3 величин ПМ (с учетом серьезной иждивенческой нагрузки);
- обеспечение физической и финансовой доступности медицинских услуг (за счет программы «Земский доктор», применения технологии телемедицины, расширения перечня безвозмездно предоставляемых медицинских услуг (отсутствие доступа к медицинским услугам делает значительный вклад в неравенство);
- увеличение поддержки безработных граждан (учитывая масштабы рецессии, структурной перестройки экономики, а также всеобъемлющий процесс цифровизации, эксперты ожидают рост количества долговременных безработных) [9, 10]; установление пособия по безработице на уровне базового гарантированного дохода не ниже 0,8 МРОТ [11];
- реализация государством активной социальной политики на рынке труда — финансирование программ переподготовки кадров, повышения производительности труда и дополнительного образования (по тем же причинам, что указаны в предыдущем пункте);
- рост стипендий в целях предоставления студентам из семей с невысокими доходами возможности получить высшее образование.

Опыт зарубежных стран (США) демонстрирует эффективность применения таких инструментов сокращения нищеты, как талоны на еду и охват программами медицинского и социального страхования всех без исключения слоев населения [12].

В комплексе активная социальная политика, направленная на решение проблемы социально-экономического неравенства, должна проводиться одновременно и системно по нескольким направлениям: адресная финансовая помощь, повышение производительности труда, долговременная грамотная миграционная политика, размещение производств с трудосберегающими технологиями в регионах с дефицитом рабочей силы и производств с трудопоглощающими технологиями в регионах с избытком рабочей силы, создание разветвленной сети учреждений здравоохранения, образования и культуры. Все перечисленное необходимо для того, чтобы обеспечить безусловный доступ всего

населения к основным социальным услугам, возможность реализовать свою трудовую функцию и получать за это гарантированный доход.

Источником финансовых ресурсов, необходимых для покрытия вновь возникающих социальных гарантий, могут стать дополнительные средства налоговых поступлений (за счет введения прогрессивной шкалы налогообложения, налогообложение ренты по более высоким ставкам), отказ от субсидирования крупных корпораций, перераспределение рентного дохода в пользу реализации социальных программ, увеличение нагрузки на посреднические (финансовые, непроизводственные) операции.

Таблица 1

Соотношение социальных расходов консолидированного бюджета РФ и объемов ВВП в 2011 – 2018 гг.

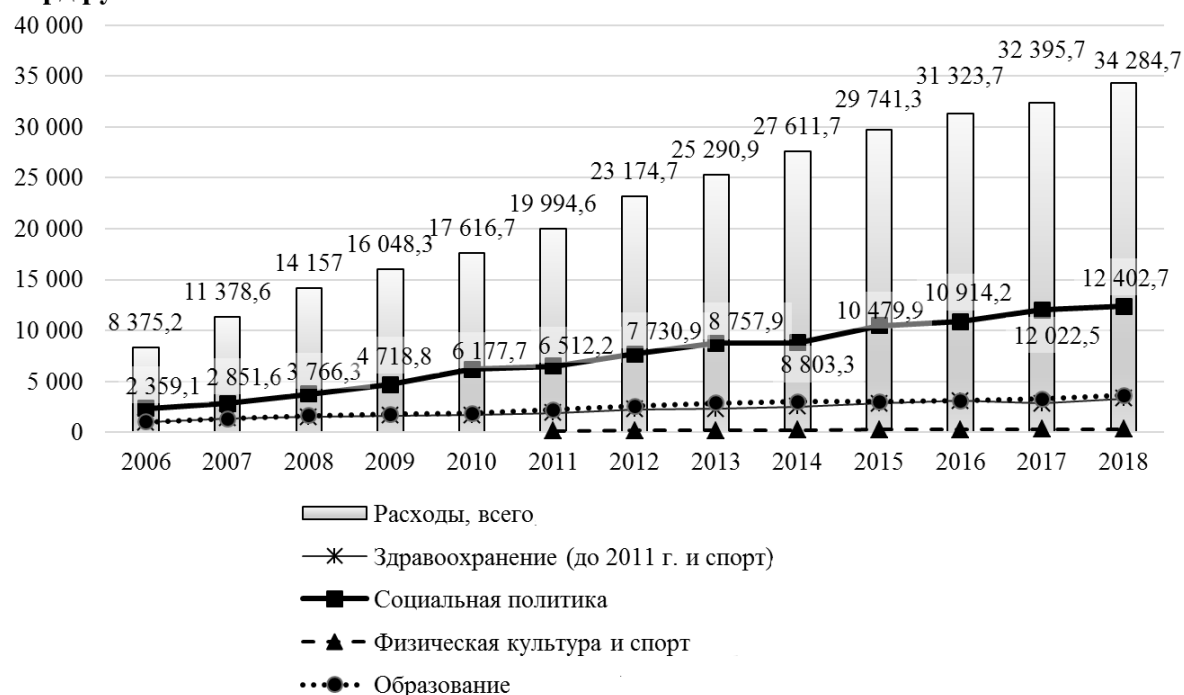
Table 1

The ratio of social expenditures of the Russian Federation consolidated budget and the GDP volume in 2011–2018

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ВВП, трлн руб.	60,35	68,16	73,13	79,06	83,09	86,01	92,1	97,28
Расходы бюджета на социальную политику, млрд руб.	6 512,2	7 730,9	8 757,9	8 803,3	10 479,9	10 914,2	12 022,5	12 402,7
Доля бюджетных расходов на социальную политику в ВВП, %	10,8	11,34	11,98	11,14	12,61	12,69	13,05	12,79
Расходы бюджета на здравоохранение, млрд руб.	1 933,13	2 283,35	2 317,98	2 532,72	2 861	3 124,4	2 820,94	3 315,92
Доля бюджетных расходов на здравоохранение в ВВП, %	3,21	3,35	3,17	3,2	3,44	3,63	3,06	3,19
Расходы бюджета на образование, млрд руб.	2 231,76	2 558,36	2 888,78	3 037,29	3 034,6	3 103,1	3 264,2	3 668,58
Доля расходов на образование в ВВП, %	3,7	3,75	3,95	3,84	3,65	3,61	3,54	3,53

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 1**Динамика исполненных расходов консолидированного бюджета РФ в 2006–2018 гг.****Figure 1****Changes in the executed expenditures of the Russian Federation consolidated budget in 2006–2018****млрд руб.**

Источник: Министерство финансов РФ

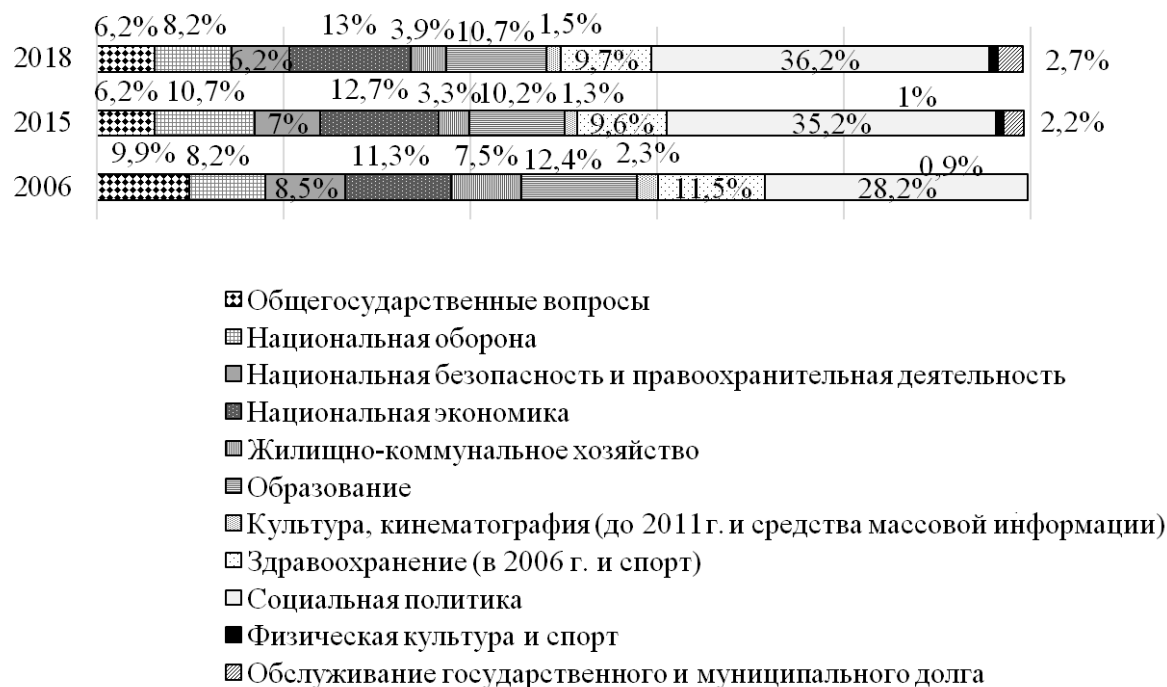
Source: The Ministry of Finance of the Russian Federation data

Рисунок 2

Структура расходов консолидированного бюджета РФ (2006, 2015, 2018 гг.)

Figure 2

The expenditure structure of the Russian Federation consolidated budget (2006, 2015, 2018)

Источник: Министерство финансов РФ

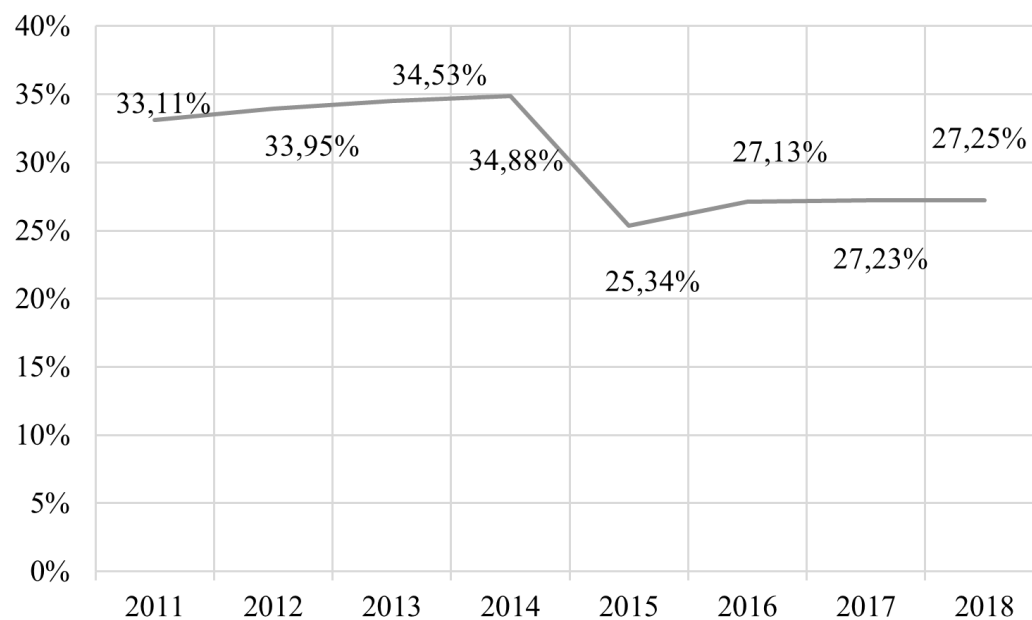
Source: The Ministry of Finance of the Russian Federation data

Рисунок 3

Доля фискальных поступлений в консолидированный бюджет РФ по отношению к ВВП страны (2011 – 2018 гг.)

Figure 3

Percentage of fiscal revenues in the consolidated budget of the Russian Federation in relation to the Russian GDP (2011–2018)

Источник: Министерство финансов РФ

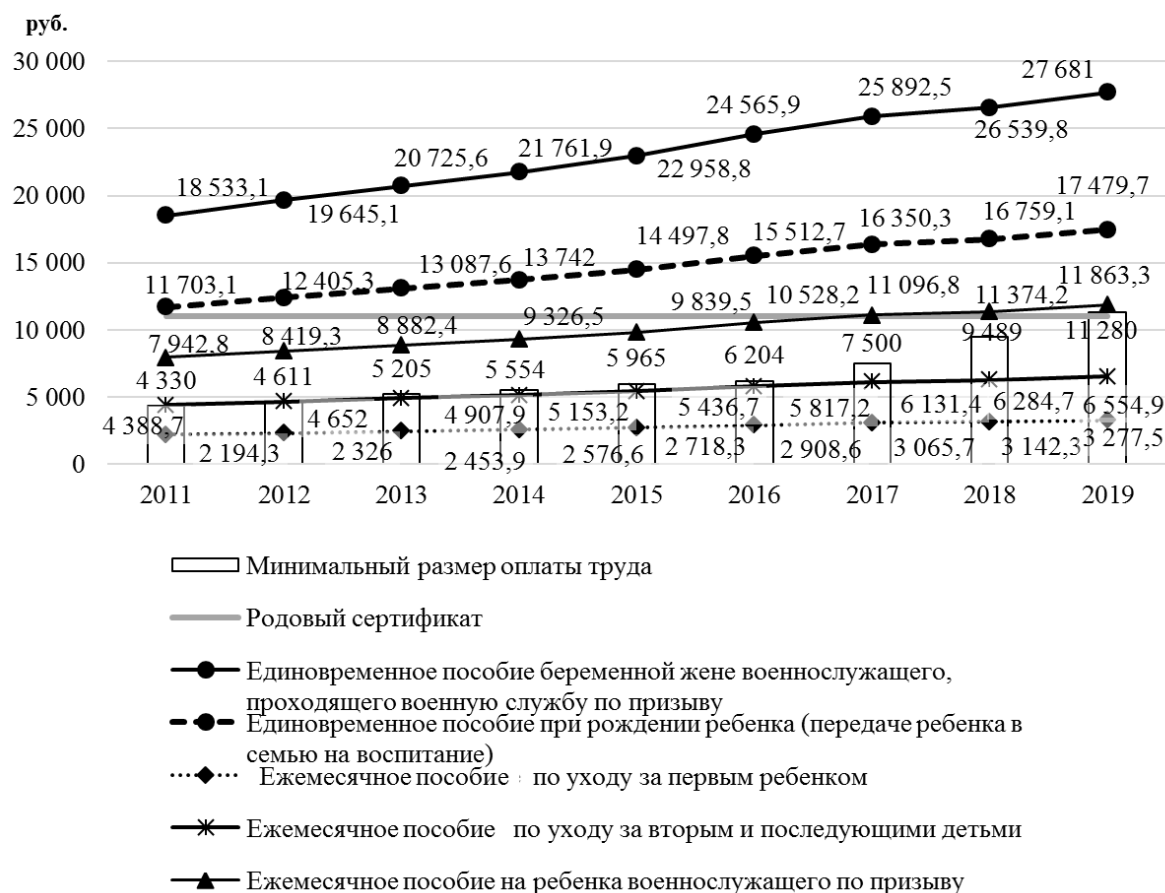
Source: The Ministry of Finance of the Russian Federation data

Рисунок 4

Основные социальные гарантии, установленные законодательством РФ (2011 – 2019 гг.)

Figure 4

Basic social guarantees established by the legislation of the Russian Federation (2011–2019)

Источник: Росстат

Source: The Rosstat data

Список литературы

1. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016. *The Journal of Economic Inequality*, 2018, vol. 16, iss. 2, pp. 189–223.
URL: <https://doi.org/10.1007/s10888-018-9383-0>
2. Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: М-Студио, 2009. 187 с.
3. Кормишкин Е.Д. Усиление социальной дифференциации общества и поляризации бедности и богатства как проявление ослабления социальной направленности национальной экономики // Финансовая экономика. 2018. № 7. С. 1323—1328.
4. Ершов М.В. Десять лет после глобального кризиса: риски и перспективы // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 37—53. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-37-53>
5. Акиндинова Н.В., Чернявский А.В., Чепель А.А. Межстрановый анализ структуры и эффективности бюджетных расходов // Вопросы экономики. 2018. № 12. С. 5—27.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-12-5-27>
6. Пикетти Т. Капитал в 21 веке. М.: Ад Маргинем, 2016. 592 с.
7. Илякова И.Е., Сульдина О.В. Неравенство как фактор социально-экономического развития в условиях европейской интеграции // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 1-2. С. 50—53.
URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/dcaed9_be2ced09a26346dfbaa7d5a79deb0f18.pdf
8. Кохно П. Опережающей экономике необходима прогрессивная шкала налогообложения доходов физических лиц // Экономист. 2017. № 11. С. 40—50.
9. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2019. 208 с.
10. Шваб К., Дэвис Н. Технологии четвертой промышленной революции. М.: Эксмо, 2018, 320 с.
11. Колмаков И. Влияние показателей структуры ВВП на показатели распределения денежных доходов населения // Экономист. 2018. № 1. С. 29—45.
12. Стиглиц Дж. Цена неравенства. М.: Эксмо, 2017. 512 с.

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

**ACTIVE SOCIAL POLICY AS A SPECIAL MECHANISM
FOR REDUCING SOCIO-ECONOMIC INEQUALITY****Eka R. ERMAKOVA**National Research Ogarev Mordovia State University (MRSU),
Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation
eka-tsulaya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8464-9605>**Article history:**Received 25 July 2019
Received in revised form
8 August 2019
Accepted 22 August 2019
Available online
30 September 2019**JEL classification:** H53, I38**Keywords:** socioeconomic
disparity, State social policy**Abstract****Subject** This article discusses the issues related to social policy of the State.**Objectives** The article aims to justify the need for an active social policy, which may help consistently and systematically reduce the level of socio-economic inequality in the Russian society to the normal one.**Methods** For the study, I used the methods of abstraction, analysis and synthesis, deduction and induction, comparison, classification, etc.**Results** The article shows negative trends in financing the social needs of society. Offering a list of measures to revitalize social policy as a mechanism for reducing socio-economic inequality, the article justifies the need to activate more social policy instruments.**Relevance** The results of the study can be used in shaping the direction and objectives of socio-economic policy.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2019

Please cite this article as: Ermakova E.R. Active Social Policy as a Special Mechanism for Reducing Socio-Economic Inequality. *Finance and Credit*, 2019, vol. 25, iss. 9, pp. 2096–2108.
<https://doi.org/10.24891/fc.25.9.2096>**Acknowledgments**The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR),
проект № 18-010-00756 А, *Developing the Theory and Methodology of Research into the
Phenomenon of Socio-Economic Inequality in the Context of the Neo-Industrial Paradigm*.**References**

1. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016. *The Journal of Economic Inequality*, 2018, vol. 16, iss. 2, pp. 189–223.
URL: <https://doi.org/10.1007/s10888-018-9383-0>
2. Shevyakov A. Yu., Kiruta A. Ya. *Neravenstvo, ekonomicheskii rost i demografiya: neissledovannye vzaimosvyazi* [Inequality, economic growth, and demography: unexplored relationships]. Moscow, M-Studio Publ., 2009, 187 p.
3. Kormishkin E.D. [Strengthening of social differentiation of society and polarization of poverty and wealth as a manifestation of weakening of social orientation of the national economy]. *Finansovaya ekonomika = Financial Economy*, 2018, no. 7, pp. 1323–1328. (In Russ.)
4. Ershov M.V. [Ten years after the global crisis: Risks and prospects]. *Voprosy Ekonomiki*, 2019, no. 1, pp. 37–53. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-37-53>

5. Akindinova N.V., Chernyavskii A.V., Chepel' A.A. [Cross-country analysis of public expenditures structure and efficiency]. *Voprosy Ekonomiki*, 2018, no. 12, pp. 5–27. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-12-5-27>
6. Piketty T. *Kapital v 21 veke* [Le Capital au XXIe siècle]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2016, 592 p.
7. Ilyakova I.E., Sul'dina O.V. [Inequality as a factor of socio-economic development in the context of European integration]. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii* = *Competitiveness in a Global World: Economics, Science, Technology*, 2017, no. 1-2, pp. 50–53.
URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/dcaed9_be2ced09a26346dfbaa7d5a79deb0f18.pdf (In Russ.)
8. Kokhno P. [Advanced economy lacks a progressive scale of personal income taxation]. *Ekonomist*, 2017, no. 11, pp. 40–50. (In Russ.)
9. Schwab K.M. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [Die Vierte Industrielle Revolution]. Moscow, Eksmo Publ., 2019, 208 p.
10. Schwab K.M., Davis N. *Tekhnologii chetvertoi promyshlennoi revolyutsii* [Shaping the Fourth Industrial Revolution]. Moscow, Eksmo Publ., 2018, 320 p.
11. Kolmakov I. [The impact of the GDP structure indicators on the indicators of population income distribution]. *Ekonomist*, 2018, no. 1, pp. 29–45. (In Russ.)
12. Stiglitz J. *Tsena neravenstva* [The Price of Inequality]. Moscow, Eksmo Publ., 2017, 512 p.

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.